

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

УСПЕШНЫЙ И НЕЗАВИСИМЫЙ АКИМ

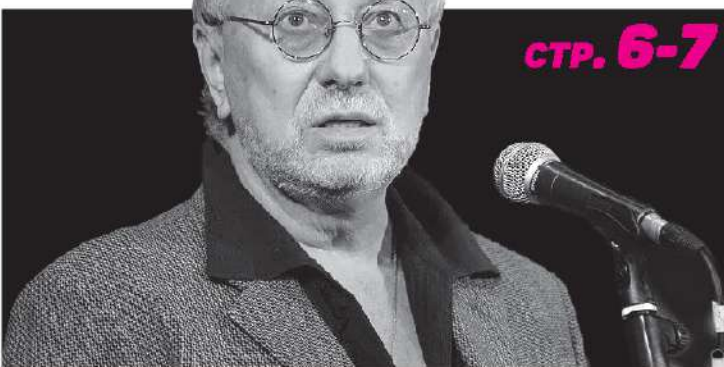
СТР. 14-15

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№19 (48)
МАЙ 2021

Бульварные НОВОСТИ

СТР. 6-7

«КАВАЛЕРГАРДЫ, ВЕК НЕ ДОЛОГ!»

СТР. 8-9

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕСЯ!

СТР. 10-11

ПЕВЕЦ, КУТИЛА, ОБОЛЬСТИТЕЛЬ. СИНАТРА

«КАВАЛЕРГАРДЫ, ВЕК НЕ ДОЛОГ!»

Геннадий Норд

7 мая ушел из жизни Володя Качан. Его убил коронавирус. Народный артист России, член Союза писателей Северной Америки, актер, прозаик, композитор, автор-исполнитель. Именно в исполнении Владимира получила широкую известность «Песня кавалергарда» из кинофильма «Звезда пленительного счастья». Его собственные песни часто звучали по телевидению и радио. Может быть, поэтому он и ушел в День радио?

—Приведу твою цитату: «Кризис смысла или смыслов возникает от того к сожалению, чем нас кормит телевидения и СМИ. Если ты кормишь постоянную публику и у тебя в ротации бесконечный попкорн, то хотя бы уважающий себя человек, который заслужил право говорить то, что ему хочется, должен добавлять немножко витаминов. А то получается, что все время мы публику кормим полсой в плохом смысле, попкорном... Я знаю людей из этого мира, которые готовы все, что угодно: мать родную заставить прыгать через горячий обруч, чтобы только попасть на телеэкран. И они постоянно там фигурируют, вместе со своей ерундой в конечном итоге».

—Тут добавить нечего.
—О тебе Михаил Задорнов сказал: «человек без определенных занятий».

—Задорнов так сказал, потому что у меня три профессии. Каждое мое хобби превратилось, в конечном счете, в профессию. Это литература, музыка, театр и кино. И можно четвертую добавить. Я не только сочиняю музыку к песням, у меня 12 дисков. Я еще и исполняю это сам, еще и профессия певца.

—Получается, в твоей жизни нет конкретно направления, по которому ты идешь. У тебя одно, второе и третье. А всем сразу заниматься получается?

—Не получается. Но бывает, иногда день дробится на два или три таких занятия. Бывает такая смена в кино, потом репетиция в театре и спектакль. Или вместо этого должен, если у меня свободные часы, поправить что-то в новом рассказе или повести.

Я все время урываю для себя несколько часов, чтобы это сделать. Хотя в области литературы так действовать нельзя. Это

требует определенной сосредоточенности. И все то, что я написал, из четырех книг, самая правильная и удачная была тогда, когда я, сидя на даче, мог освоить большой объем. За месяц что-то крупное сделать.

А так, по страничке в день, ни дня без строчки — это такое... Лажа получается.

—И чтобы получилось не лажа, нужна некая обстановка... Или у тебя все рождается спонтанно?

—Я писал первую книжку «Роковая Маруся». Кстати, по настоянию друга и первого соавтора по песням Леонида Филатова. Он сказал, что поскольку ты умеешь сочинять слова, фразу, а фразы в мысли, то следует написать крупную форму. И я вспоминаю, как мы жили на даче, я вставал в пять-шесть утра, садился и начинал писать. Это было самое правильное время. Когда делаешь урывками, ты не успеваешь въехать в настроение, в тему. А флер в прозе очень важен.

—Все помнят песню «Не обещайте деве юной любви вечной на земле...». В советское время была, наверное, почва для этой композиции. Она запомнилась очень сильно.

—Я вспоминаю, когда в позапрошлом году была премия «Киноагосон» и мне вручили наряду с маститыми композиторами Дашкевичем, Гладковым бронзовый скрипичный ключ за исполнение песни «Кавалергарды», я подумал, что пафос этот надо снять. И я взял и спародировал ответные речи номинантов и лауреатов премии «Оскар». Я вытаскил список и начал подряд благодарить. Зал затих в Доме кино. Я начал благодарить сначала, как водится, маму и папу, потом перешел на машиниста паровоза, который привез меня из Москвы в Питер, и сам паровоз я благодарил. И тут они стали въезжать, понимать, что я валяю дурака. И в конце я сказал: «Отдельная благодарность юным девам сегодняшней популяции, которых на такую повидуду, как вечная любовь, никогда не купишь. Это мимо кассы».

—Ты что, разочаровался в женщинах?
—Заметь, что сейчас их огромное число... Они сначала рассматривают любое знакомство с точки зрения, какую пользу они им принесет и может ли принести практическую пользу. Так вот, практических девушек сейчас значительно больше, чем было. Но все равно остались романтически настроенные девушки и всякие другие. Их всегда был меньше процент. Но сейчас это тотальный практицизм, который меня удручает.

И когда мне надоело, меня после исполнения в кино этой песни замечательной, стали просить везде ее исполнить. И я ее исполнил уже раз триста или больше. И тогда я понял, что пора завязывать хотя бы на время. Это было 8 марта, концерт для обслуживающего персонала Дворца бракосочетаний на Ленинградском проспекте. Они просят спеть «Кавалергарды». И, готовясь быть растроганными, поудобней усаживаются эти женщины в белых халатах. А я, дежурно устремляя грустный взгляд в туманный горизонт, начиная петь. Дохожу до слов «не обещайте деве юной любви вечной на земле» и тут с особенной отчетливостью понимаю, где я это пою. И еще взгляд мой падает влево куда-то. И там написано «Комната жениха», я почти расхохотался. И понял, что пою это формально. Унизительно петь это формально. Тем же вечером, мистическим образом, я пришел злой домой от того, что так произошло. Телевизор работает, а там какой-то мужчина в камуфляжной форме с бородой и мрачным лицом. И он говорит, что у него есть военный отряд молодых людей, которых он учит сплавляться по горным рекам на байдарках, каяках и каное. Учил рукопашному бою, выживанию в экстремальных условиях и так далее. Потом он почесал бороду и сказал: «У нас даже есть своя отрядная песня», потянулся за гитарой, достали залп эту многострадальную песню. Но! Со своими словами. Мотив остался, но слова были свои, которые я, умирая, не забуду. И, кроме того, я понял, что это укрепило меня в моем решении с этой песней на время прекратить отношения. Знаешь, что он спел? «Не доверяйте деве юной каяк, весло и спасжилет».

—Что ты делаешь сегодня? Развиваешься в сфере бардовской песни? Ты себя позиционируешь именно так?

—Я против жанровых ограничений. Высокский назвал бардовскую песню авторской, протестуя против слова «барды». Хотя «авторская» — неточный термин. Потому что у каждой песни есть автор. Я был одно время солистом оркестра Утёсова, не уходя из Театра юного зрителя, продолжая работать артистом. И я почувствовал настоящий вкус к серьезной музыке. Когда наши с Филатовым песни там серьезно оркестровались, тридцать человек это играли. И хо-

рошая аранжировка — другое ощущение. Когда ты поешь, это другой драйв, нежели ты бренькаешь на гитаре, причем, не так хорошо. А я бренькаю не так хорошо. Может, лучше, чем Юрий Кукин, но гораздо хуже Александра Дольского или даже Розенбаума. И поэтому я всегда тяготел к хорошему сопровождению профессиональных музыкантов. Традиционные барды меня за это не любили. Теперь я стал замечать, что они сами обзаводятся ансамблями, что им тоже хочется побогаче... И Олег Митяев выступает уже не с одним Мергулиным.

—А тебе не кажется, что просто двадцать первый век заставляет идти вперед и развиваться в этой сфере.

—Конечно. Когда только гитара и все, это похоже на индуст. Надо кровь обогащать. И чем шире будет палитра твоих интересов в этом смысле, тем больше возможностей. И тем богаче. Я работаю с тремя прекрасными аранжировщиками, если мне доводится что-то записывать. И мне очень приятно это делать.

И еще то, что я сказал, что барды вроде против. Но решающим аргументом против из «против» было бы то, что и Высоцкий очень любил петь под серьезный аккомпанемент. Первая большая пластинка вышла в Париже под большой оркестр.

—Ты подарил мне свой последний диск. Многие исполнители считают, что на диске должна быть центральная песня, которая презентует всю программу на данной пластинке. Ты можешь выделить некий трек?

—Непростое стихотворение Александра Смогула «За тридцать земель». Но оно, можно считать, программное. Даже в таком философском смысле. Это мечта альтернативная нашей политической и социальной жизни, проблемам. Это мечта о том, что за тридцать земель такое есть, что там не случится ни беды, ничего...

—А нужно стесняться своих побед, достижений?

—Я стесняюсь. Может, врожденная стеснительность. Есть артисты, которые выходят из театра, озирают толпу в поисках своих знакомых. И требуют узнавания. Есть артисты, которые ходят по улице и огорчаются, если их не узнают. У меня наоборот. Я выхожу из театра, прячу лицо, мне неловко. Я не знаю, что я буду говорить в ответ на какие-то вещи.

—В двадцать первом веке многие делают ставку на некий эпатаж, отсутствие смысла в текстах, что еще больше интригует. Например, Филипп Киркоров. Голос есть, смысла в песнях нет. А как ты считаешь, в бардовских песнях смысл, интрига должны присутствовать на первом месте? Или же голос должен выделяться?

—Да ну ее, бардовскую песню! Не надо втискивать все в определенный жанр. Попса — это популярная музыка в переводе. Но ведь Лягран и Азнавур — это тоже популярная музыка.

—А в твоём творчестве центральным моментом стоит какая-то идея в каждой композиции?

—Считаю, это должно быть в каждой песне. Я считаю, что осмысленное понятие должно быть повсюду. Или должен быть флер настроения. Потому что в «Шербурских зонтиках» тоже незамысловатый текст у Ляграна. Но такое настроение! Такая атмосфера! В песнях «Beatles», между прочим, тексты... Бродский, с другой стороны, очень трудно поддается музыкальной интерпретации. Там и стихи сложные, и получается, что если насытить их музыкой, то кранты. Хотя мы с Михаилом Козаковым один раз попытались это сделать в спектакле «Никтокуда с любовью», который несколько лет был в театре Школы современной пьесы.

Бардовская — не бардовская, попса — не попса. Песня должна быть... Моему грубо разделить — хорошая или плохая, осмысленная или бессмысленная.

Мне кажется, что песня осмысленной и чувственной должна быть всегда.

—А почему многие сходятся во мнении, что сейчас на эстраде кризис идей?

—Базовая основа песен, которые сочинял я, эти стихи. И Никитины, когда делали, они как-то даже своей вечер назвали: «Мы поем стихи». Кризис смысла или смыслов возникает от того, к сожалению,

чем нас кормит телевидение и СМИ. Если ты кормишь постоянную публику и у тебя в ротации бесконечный попкорн, то хотя бы уважающий себя человек, который заслужил право говорить то, что ему хочется, должен добавлять немножко витаминов. А то получается, что все время мы публику кормим попойой в плохом смысле, попкорном. И удивляемся, откуда кризисы. Оттуда! Люди развращены настолько восприятием... Смотри, вот Пугачева пела Цветаеву когда-то. Витамины из ее репертуара исчезли напрочь и началась какая-то шняга. И порочный спрос рождает порочное предложение.

—Какие традиции музыкального творчества из прошлого ты бы вернул?

—Традиций-то нет.

—А что тогда вернуть? Тогда же это было!

—А почему вернуть? Надо новое делать.

—Видишь, что новое получается? Получается то, что получается. Попса.

—Ничего не надо возвращать. Сегодняшние молодые люди, которые сочиняют прелестные стихи... Есть люди, которые сочиняют сериальные стихи, так называемые, есть, которые, зная, что они будут сочинять попкорн, они это делают. Когда идет твердый расчет на деньги, это для

России кошмар. И в ротацию попадает шняга. А думаешь редакторы не знают, что это шняга? Знают. Но знают, что рейтинг будет. А почему? Потому что привыкли. А когда возникает нечто свежее и интересное, как возник Саша Розенбаум, например... Почему он так долго держится? Потому что он все время держит планку качества. И, более того, он дозирует свое появление на экране. Я знаю людей из этого мира, которые готовы все, что угодно: мать родную заставить прыгать через горячий обруч, чтобы только попасть на телеэкран. И они постоянно там фигурируют, вместе со своей ерундой в конечном итоге. У меня был друг детства, с которым мы со школы сохраняли дружбу, это Миша Задорнов. И он обратил на это мое внимание. Он ездил по провинциям. И обращал внимание на эти вещи. Люди начали уставать от этой всей шняги. Им начинает это надоедать. Это находит свое отражение в интернете, в интересе к определенным вещам и потере интереса к тому, что иногда делает Филипп Бедросович. Он, на которого катят баллон все, начиная от «Камеди Клаба», кончая не знаю кем, он, между прочим, хороший поэт. У него прекрасный тембр, профессионал высокого класса. Но всем надоели его плавильни одеяния и бесконечные понты. И выставление своей семейной жизни на всеобщее обозрение. И представь, если бы он взял бы, надел строгий костюм с водолазкой, снял бы все цепи с шеи и, сидя на стуле, спокойно, спел бы, допустим, Давида Самойлова. И в этом качестве Киркоров бы вызвал совершенно новую волну интереса к себе. И был бы такой интересный поворот в биографии!

—А твоё отношение к сериалам, которые заполняют наше телевидение?

—Такое же.

—Есть порой хорошие истории. И их сопровождают порой очень смысловые песни...

—Я не смотрю наши сериалы. В некоторых в свое время сам поучаствовал. В одном из первых, самых удачных проектов «Бедная Настя» я исполнил роль Бенкендорфа. И мы с Сашей Валухом даже сочинили романс к этому делу. Чтобы погубить юмористическую программу, надо сделать ее регулярной. Причем, чем чаще будет, тем быстрее она погубит. Даже совершенно прекрасные артисты Стоянов с Олейниковым со своим «Городком» приелись со временем. Как-то я для смеха пару лет назад решил пересчитать, сколько сериалов идет в сутки: по центральному, федеральным и десятиметровым каналам. 26. А сейчас их наверняка 36. А, может, и больше.

—Как ты готовишься к своему семидесятилетнему юбилею?

—Честно признаться, у меня вызывает досаду, когда мои товарищи по цеху из своих юбилеев и дней рождения устраивают какие-то всенародные торжества. «25 лет творческой деятельности», «40 лет на сцене»... Меня все эти цифры интересуют всего лишь постольку поскольку. И относиться с особым пиететом или вниманием к своему дню рождения не вижу никакого смысла. Наоборот, хочется как-то убежать от этого. Пропустить, прошмыгнуть, просветить мимо, чтобы не акцентировать на этом внимание. Но, перифразируя известную песню — «К счастью, день рождения только раз в году». И, кроме того, я знаком с людьми, которым 40 лет, а они — рухлядь. И я знаком с людьми, которым 80, а они играют в гольф и теннис.

У меня вызывает уважение и зависть поступок знаменитого Алексея Баталова, который в свой юбилей взял и уехал не куда-нибудь, а в непопулярную страну — Данию. Вот, взял и уехал. Я бы тоже хотел так поступить. Но пока мое намерение встречает некоторое противодействие со стороны людей, с которыми я работаю. В частности, Райхельгауз хочет из этого сделать тоже какой-то юбилейный триптих из трех спектаклей. Но я еще поборюсь за то, чтоб ничего не делать и все-таки уехать. Съезжать если не в Данию, то хотя бы в ближайшее Подмосковье или в глушь Саратов.

Владимир Качан умер, не дожив 11 дней до своего 74-го дня рождения.

От своего юбилея он «сбежал», к сожалению, от нас всех... и уже не вернется...

